

У плащаницы

В Великую Пятницу скромно одетая женщина стояла посреди храма, почти под самым паникадиллом. Стояла у Пасхальной Плащаницы, вдыхая дым из курщейся кадила. Белоснежные астры и хризантемы, окружавшие последнее ложе Спасителя, распространяли горьковатую свежесть.

От изображения Христа, лежащего на смертном одре, невозможно было отвести глаз. Его облик был полон покоя и неземного величия. Богочеловек свершил предназначенное Ему. Корабль, на котором плыло человечество, вошел в вожделенную гавань.

Казалось бы, после принесенной Жертвы мир должен был, покаявшись, примириться со своим Творцом. Но тишины, которой ждала исстрадавшаяся душа пришедшей, она не ощущала. Люди шли в храм, становились на колени, кланялись в землю. Этот поток не иссякал, и внутренним слухом женщина улавливала неутраченные беззвучные вопли: «Дай!», «Избавь!», «Защити!». Очень мало кто взывал: «Помилуй!». И почти никто: «Прости!».

- «Опять пришли за своим», - с горечью подумала женщина. Но тут же спохватилась. Как она посмела, пусть даже в мыслях, осудить других, когда сама пришла за тем же - просить и молить Бога об исцелении от неизлечимой болезни? Сама пришла, не для того, чтобы принести к смертному ложу Господа сокрушенное свое сердце. А все с тем же: «Дай! Дай!».

Ее с ног до головы обдало жаром. Как она могла? Привыкла всю жизнь считать себя смиренной, терпеливой, благочестивой рабой Божьей, беззаветной труженицей. Привыкла числить себя среди тех, кто несет свой крест, не сетуя и не жалуясь. А сама - даже стоя у Плащаницы, не смогла отрешиться от мыслей о себе, сокрушаясь по поводу своих немощей, жалуясь и скорбя о незаслуженных, как ей казалось, невзгодах.

- «Благообразный Иосиф, с древа снем Пречистое тело Твое» - зазвучало сверху стройное, протяжное пенье. От клироса полились волны любимых ею стихир утрени Великой Пятницы. Волны эти задавали ритм ее дыханию, качали ее, приподнимая и опуская, и неся куда-то вперед, к бледному утру Великого Воскресенья.

Она все стояла - и постепенно великая любовь Божия сошла на нее с высоты. Этот всерастворяющий поток встретился с робкой струйкой восходящей любви к Богу, и слезы несчастной были осушены.

Женщина, стоявшая у Плащаницы, склонилась над ней и прикоснулась устами к самому краю иконы. Потом - к прохладному серебряному окладу Евангелия. Подняла и спрятала на груди упавший белый цветок. От него еще исходил пряный аромат, смешиваясь с благоуханием ладана.

Прихожане постепенно разошлись. В храме настала тишина. Солнце передвинулось. Теперь оно ярко горело на позолоте Царских врат и заливало Плащаницу по-летнему горячими лучами.

Марина Васильева
Апрель 2015